

ИНТЕГРАЦИЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ, ВЫБОРОЧНАЯ И НАСИЛЬСТВЕННАЯ

И. П. Смирнов

Констанцский университет
Констанц, Германия

I. P. Smirnov

University Konstanz
Konstanz, Germany

1. По Платону («Пир»), индивиды совместимы друг с другом в той мере, в какой стремятся восстановить утраченное двуединство человека. В начале XX в. примерно такого же мнения придерживался кембриджский философ, учитель Бертрانا Рассела, Джон Эллис МакТаггарт. Он считал, что любовно-дружеские связи заданы людям их «пресуществованием» в иных телах, когда-то уже испытывавших взаимопротяжение. При всей, казалось бы, фантастичности этих идей они, пусть проективно, отражают в себе социальную практику. Человеческое общество возникает, будучи скрепленным культом предков, память о которых равно сберегают все члены коллектива. Складывающиеся позднее этнические образования продолжают быть, как и клановые группы, сплоченностью людей, имеющих одних и тех же родоначальников. Социальность глубоко реакционна. Она формирует национальные элиты по наследственному признаку, вручая власть над собой аристократии и монархам. Социальность делает ставку на прошлое. Может ли она нормально функционировать без упования на него? История первой половины XX в. показывает, что уход с социокультурной сцены династических элит и перешагивание хозяйствованием (заклейменным как «империалистическое») рубежей национальных государств ввергли человечество в до того небывалый хаос мировых войн и кумулятивной революции, перебрасывавшейся из одной страны в следующую и принимавшей разные формы (включая сюда антиколониальные движения и сопряженный с ними распад британской, французской и бельгийской империй). Холодная война приостановила катастрофическое развитие мирового общественного порядка, переведя эксцессивно-множественное напряжение, в каком находилось население планеты, в биполярное, в конфронтацию двух экономических сверхсистем, состязавшихся друг с другом не на поле брани, а в промышленной области. Вторая половина прошлого столетия была периодом законсервированной войны — не кончившейся, но и не начавшейся вновь, составлявшей реминисцентный фон настоящего и таким образом подобной

тому царству мертвых, отношение к которому всегда солидаризовало живых. Эта хрупко-провизорная стабильность глобального социума была нарушена крахом приказной экономики, положившим конец биполярному миру. Мы пребываем сейчас в состоянии неопределенности и растерянности, выход из которого многие страны усмотрели в простой реставрации национального суверенитета, в возвращении к жизни по заветам предков. Соблазн такого попятного движения тем более велик, что новое переселение народов наполняет Европу и Северную Америку людскими массами, отрекшимися от своего происхождения, подрывающими повернутый к прошлому социостаз в ареалах, куда они вливаются. Нынешние шовинизм и изоляционизм не оригинальны, они не более чем имитируют общественный строй, пришедший в негодность по ходу истории. Долгосрочным проектом они быть не могут. Реставрации — перверсия необратимой истории, выдающая минувшее за грядущее.

Спрашивается, почему в социальной действительности мы совместимы друг с другом только как тела, у которых есть единая родословная линия? Ответ на этот вопрос следует искать в нашей психической организации. Она гарантирует нам индивидуность, обуславливая в конечном счете исключительное положение человека в природной среде, его противостояние всему, что он застает в своем естественном окружении. Будучи продуктом свойственного только человеку самосознания, психизм — одновременно и общее для всех людей качество, и сила, уединяющая каждого из них в себе. Несовместимость у животных проистекает из их соперничества в борьбе за продолжение рода, победителем в которой выходит сильнейшая особь. Человеческая несовместимость, напротив того, имеет личностный характер, не зависящий от того, как инкорпорирована самость. Конечно же, человек заботится о потомстве, но, в отличие от животных, он создает общество, власть над которым имеет начало рода, а не его продолжение. Психическую обособленность людей преодолевает *corps social*, плотский союз по уходу за «дорогими могилами», отдающий души своих членов умершим, которые становятся вечно живыми. Это пожертвование психизмом в пользу тех, кого уже нет, требует компенсации. Она попирает танатологичность социореальности эросом, восстанавливающим психизм в своих правах, восстающим против рода (и в его начинательности, и в его будущности) в любви («одиночестве вдвоем», как говорилось в эпоху *Fin de Siècle*) и дружбе, на которой зиждутся неформальные коллективы. Психически мы добиваемся *coincidentia oppositorum* по избирательному принципу. Постмодернизм вынашивал мечту об обществе, в котором будет господствовать интимная связь лиц. Социальность, основанная на психизме, мерещилась и Юргену Хабермасу («Структурное изменение публичной сферы», 1962), и Жан-Люку Нанси («Непроизводимое сообщество», 1986), и Жаку Деррида («Политика дружбы», 1994), и Джорджо Агамбену («Грядущее сообщество», 2001). Мало того, что сотрудничество тел никогда не превратится в душевный

альянс, что уничтожило бы и то и другое, постмодернистская химерическая программа к тому же противоречит сама себе, явно пытаясь продвинуть общество вперед, но украдкой возрождая модель общины («Gemeinschaft»), разработанную Фердинандом Тённисом в 1887 г. Социальность с обязательной для нее оглядкой на прародителей тайно руководила мыслью о том, во что она могла бы превратиться по ту сторону своего предела.

Если общество в своей привязке к генезису тел, из которых оно складывается, инертно, то что же тогда делает его историческим, эволюционирующим в качестве социокультуры? Надо полагать, что его приводят в движение идеологии. Они рождаются из переворота, которому подвергается культ предков. Вразрез с ним, они проспективны, обещая воздаяние за жизнь здесь и сейчас в будущем — неважно, какой образ оно обретает, небесного ли Иерусалима, равенства и братства всех людей, свободного труда, воцаряющегося с наступлением коммунизма, или расовой утопии. Пока идеологии гнездятся в малых коллективах, оппозирующих косному социуму, — в первохристианских общинах, дискуссионных клубах, масонских ложах, диссидентских кружках и т. п., т. е. пока Дух находит себе вместилище в людских душах, история благотворна. Но стоит идеологии опрокинуться из сферы психизма на *corps social*, как она тут же становится орудием насилия. Идеологизированное общество разнится с естественным (с «*natural society*» Эдмунда Бёрка) тем, что оно принуждает людей к совместимости, будь то империи, возникающие вместе с вызревaniem истории, или тоталитарные режимы, преследующие цель массовой мобилизации подданных. Рабство является на свет по мере перехода от архаического общества к историческому, искусственному. Нынешнее возрождение национальных государств после их упадка привносит в естественную, неидеологизированную социальность искусственность. Остается еще сказать, что и малые коллективы бывают рассадниками террора тогда, когда у идеологий, разрабатываемых в этих лабораториях визионерства, мало шансов завоевать публичное признание.

Итак, интеграция в человеческом мире неоднородна: она выступает как явление и социально телесное, и полюбовно душевное, и насильственно идеологическое, если угодно, духовное.

2. Мне кажется, что я уже предвосхитил ответ на второй из поставленных вопросов. Философия, которая приковывает к себе мой интерес, одержима — от Плотина до Карла Ясперса — идеей всеединства. Если оно не навязывается человечеству, то постулируется философией применительно к бытию. Представление о всеединстве продиктовано, однако, не реальным положением дел, сложность которых я попытался показать в самом первом приближении, а требованием дискурса, ценящего общезначимое несравненно выше, нежели значимое в частных случаях. И всё же было бы несправедливо винить

философию, не сделав никаких оговорок. За фантомным образом всеединства проступает то трезвое соображение, что ни социальное, ни персональное в нас не постижимы сколько-нибудь адекватно без примата антропологического взгляда на ту вторую вселенную, которую создал род homo и к которой можно подойти, только отделив ее от бытия в полном его объеме.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 5.03.2020

Принята к публикации / Accepted: 25.03.2020

Информация об авторе

Смирнов Игорь Павлович
кандидат филологических наук,
профессор в отставке
Констанцский университет
78465, Германия, Констанц,
ул. Университетская, 10
E-mail: ipsmirnov@yahoo.com
Авторский ORCID: 0000-0002-3819-8142

Information about the author

Smirnov, Igor Pavlovich
Cand. Sci. (Philology),
Professor Emeritus
University Konstanz
10 Universitaets Str., Konstanz, 78465
Germany
E-mail: ipsmirnov@yahoo.com
Author's ORCID: 0000-0002-3819-8142